

Онтологія Гегеля *).

Σύμπαντα δὲ εἶναι λέγουσι
νοῦν καὶ φρόνησιν.

Diogen. Laërt. IX, 19.

Если мыслящій человекъ ни одного ученія философскаго не долженъ оставлять безъ основательнаго изслѣдованія, то въ настоящее время философія Гегеля требуетъ ученаго разбора преимущественно предъ прочими философскими системами.

Такого разбора она требуетъ уже потому, что она философія современная. Всякая другая философія уже имѣетъ свою, болѣе или менѣе вѣрную и болѣе или менѣе полную оцѣнку въ философіи послѣдующей. Новая философія потому обыкновенно и яв-

*) Н. П. Гиляровъ-Платоновъ (†1887) написалъ предлагаемое разсужденіе еще въ 1846 г. въ качествѣ магистерской диссертации. Но митр. Филаретъ усмотрѣлъ въ ней „философскій духъ“, подавлять который онъ считалъ своею обязанностью, и защита диссертации не была допущена. Впослѣдствіи Н. П., по словамъ близко знавшихъ его, перевелъ всего Гегеля, но переводъ сгорѣлъ во время пожара. Недавно обнародованы любопытныя письма Н. П. Гилярова-Платонова („Руск. Арх.“ 1890, 2, стр. 316—324), гдѣ онъ говоритъ о своихъ отношеніяхъ къ славянофиламъ и объ упомянутомъ эпизодѣ съ диссертацией. Изъ этихъ же писемъ видно, что онъ не разъ отклонялъ предложенія занять кафедру философіи въ томъ или другомъ университетѣ.—Читателю предлагается первая половина диссертации, такъ какъ вторая уже была съ нѣкоторыми дополненіями напечатана самимъ Н. П. въ „Рус. Бес.“ (1859, кн. 3, стр. 1—64) подъ заглавіемъ: „Рационалистическое движеніе философіи новыхъ временъ“. При печатаніи предлагаемой половины диссертации, которая представляетъ несомнѣнный историческій интересъ, устранены нѣкоторые архаизмы и исправлены явныя ошибки переписчика.

ляется, что замѣчаетъ въ прежнихъ системахъ неудовлетворительное рѣшеніе философскихъ вопросовъ. Если она и сама рѣшаетъ ихъ не съ бѣльшею удовлетворительностію,—она, по крайней мѣрѣ, всегда вѣрно угадываетъ то или другое слабое мѣсто философіи предшествующей: ея собственная неудовлетворительность вызываетъ, въ свою очередь, и собственную ея критику. Но философія современная, какова теперь Гегелева, не имѣетъ своего „послѣ“; указывая неудовлетворительность стараго, сама она стоитъ еще нетронутая во всей своей свѣжести; ея поклонники, какихъ философія современная всегда имѣетъ болѣе всякой другой, бываютъ тѣмъ жарче и многочисленнѣе, что въ ней является гораздо выпуклѣе слабость противной стороны, чѣмъ ея собственная: первая ея уже поставляется на видъ, а послѣднюю нужно только еще отгадывать. Такимъ образомъ философія современная еще ждетъ, чтобы явилась если не новая философія, то, по крайней мѣрѣ, старыя убѣжденія выступили съ оружіемъ, направленнымъ именно противъ нея, и тѣмъ выказали или собственную неосновательность, или ея неудовлетворительность.

Впрочемъ, философія Гегеля пріобрѣтаетъ преимущественное предъ прочими системами право на наше вниманіе не одною своею новостію, но положительными достоинствами. Она принадлежитъ не къ числу такихъ новизнъ, которыя только разрушаютъ старое, сами не представляя, въ замѣнъ его, ничего стоящаго вниманія. Она въ этомъ отношеніи нисколько не походитъ на философствованіе энциклопедистовъ прошлаго вѣка, которое имѣло чисто отрицательный характеръ, и критика котораго въ свое время была необходима только какъ оборона отъ отрицающей новизны, а не какъ опроверженіе или защищеніе положительнаго мнѣнія. Система Гегеля такова, что исторія новѣйшей философіи не представляетъ еще другой, которая бы въ равной съ нею степени соединяла единство и всесторонность начала съ круглотою изслѣдованія. Не говоримъ уже о Бэконѣ, Декартѣ, Мальбраншѣ и Локкѣ, которыхъ сочиненія лишены даже простой систематической цѣлости и могутъ быть названы скорѣе философствованіемъ, чѣмъ философіею,—Спиноза, который за свой геометрической методъ считался нѣкогда образцомъ систематиковъ, и тотъ лишилъ свою философію характера строгаго единства тѣмъ самымъ, что допустилъ въ ней *не одно* предполо-

женіе, какъ очевидную, недоказываемую истину (axiomata). Въ самой Германіи, которой по преимуществу, въ новѣйшія времена, принадлежитъ честь систематическаго разработыванія философіи ни одна система не можетъ въ этихъ отношеніяхъ спорить съ системою Гегеля. Какъ ни многостороненъ былъ личный талантъ Лейбница, но его философія, написанная большею частію въ отрывкахъ, не представляетъ той круглоты и законченности, какую видимъ у Гегеля. Въ системѣ Гегеля конецъ сливается съ началомъ: восходя отъ бытія конкретнаго къ чистымъ сущностямъ, этотъ философъ не останавливается въ развитіи понятій до тѣхъ поръ, пока не доходитъ до того же бытія конкретнаго, съ котораго началъ. Какъ ни старался доставить единство философіи Кантъ точнымъ разграниченіемъ духовныхъ силъ и отысканіемъ преждеопытныхъ формъ знанія, но въ его философіи все еще не положено такого начала, изъ котораго бы одно за другимъ развивалось все остальное. Онъ поставляетъ, напримѣръ, четыре категоріи, но у нихъ нѣтъ такого связывающаго, единаго начала, въ которомъ бы заключалось основаніе, почему онѣ слѣдуютъ одна за другою въ такомъ, а не въ иномъ порядкѣ. Объ его философіи можно сказать словами Гегеля, что въ ней дѣлается переходъ только такими фразами: «глава вторая», или: «мы теперь переходимъ», и такъ далѣе *). Гегель, напротивъ, не только принялъ одно начало, изъ котораго рождается все другое, но, собственно говоря, это самое начало и есть единственное содержаніе его философіи, оно само есть то другое, что рождается изъ него. Если Фихте въ своемъ наукоученіи (Wissenschaftslehre) и принялъ за начало одно «я», то его философія уже чрезъ это самое единство должна была потерять всякую надежду на всеобъемлемость. Въ тѣсную раму индивидуальнаго «я» не могло войти все содержаніе существующаго; многое должно было по необходимости стоять внѣ его, какъ будто вовсе несуществующее. Гегелева философія, напротивъ, обнимаетъ все: она приняла на себя трудъ вывести изъ своего начала—и основанія искусства, и движеніе исторіи, и сущность самой откровенной религіи. Гегель въ этихъ отношеніяхъ имѣетъ преимущество даже предъ Шеллингомъ, у котораго онъ занялъ основную мысль своей философіи. Если Шеллингу принадлежитъ первая

*) Wissenschaft der Logik, I-я часть, Берлинъ 1841, стр. 40.

мысль, то Гегелю принадлежит изобрѣтеніе оригинальнаго метода, который его системѣ даетъ видъ истинной науки, а не пустой фантазмагоріи. Правда, въ новѣйшее время Шеллингъ старался представить свою философію въ новомъ, лучшемъ методѣ. Но самыя эти измѣненія системы, это постоянное недовольство при каждомъ измѣненіи и при всемъ томъ упорное желаніе продолжать перестраивать на старомъ фундаментѣ не могутъ не наводить на ту мысль, что Гегель остался болѣе вѣренъ началамъ перваго изобрѣтателя, чѣмъ тотъ—своимъ собственнымъ.

Такое блестящее явленіе въ философскомъ мірѣ, какимъ представляется философія Гегеля со стороны, естественно заставляетъ глубже проникнуть въ самую нутрь ея. Рождается вопросъ: дѣйствительно-ли она, эта философія, осуществляетъ все то, о чемъ когда-либо мечтали систематики, и въ такой снаружи блестящей формѣ заключаетъ то, что для философіи всего дороже,—истинное содержаніе? Или это только киченіе ума, насильственное примиреніе непримиримаго, зданіе науки, выстроенное изъ угожденія пустому формализму, въ ущербъ истинѣ, и даже, можетъ-быть, въ ущербъ этому самому архитектурическому формализму? Равнодушіе къ этому вопросу есть равнодушіе къ истинѣ. Для рѣшенія этого вопроса излишенъ подробный разборъ всей философіи Гегеля. Философія достаточно оцѣнивается по выведенію однихъ существенныхъ и основныхъ ея положеній, и какъ такового выведенія обыкновенно ищутъ въ онтологіи, то и достаточно разсмотрѣнія одной онтологіи Гегеля. Это и составляетъ предметъ подлежащаго изслѣдованія.

Впрочемъ, если, съ одной стороны, ученый разборъ Гегелевой философіи и, въ частности, онтологіи представляется дѣломъ необходимымъ, то, съ другой, онъ столько же оказывается труднымъ, если не невозможнымъ. Это приводитъ насъ къ разсужденіямъ, которыя при разборѣ другой философіи совершенно излишни, а здѣсь принимаютъ характеръ существенной необходимости. При истинно ученномъ (wissenschaftlich) разборѣ философіи, обыкновенно сперва разсматриваютъ, истинны-ли тѣ начала, изъ которыхъ она выводитъ свои положенія, потомъ смотрятъ на самое выведеніе, вѣрно-ли оно своимъ собственнымъ началамъ; и наконецъ, смотря по тому, каковы начала, истинны или ложны, и вѣрно или невѣрно ихъ выведеніе, уже произносятъ окончательный судъ объ истинности или ложности самыхъ результа-

товъ. Но такой способъ изслѣдованія рѣшительно не приложимъ въ настоящемъ случаѣ. У Гегеля нѣтъ собственно того, что мы называемъ началомъ (Princip), т.-е. общаго положенія, которое бы, основываясь на опытѣ или самосознаніи, служило опорой для всѣхъ частныхъ мыслей; у него нѣтъ и того, что мы обыкновенно называемъ результатомъ. У него вся философія есть только выведеніе, которое само собою начинается, само себя развиваетъ и само себя и собою же оканчиваетъ *). Если мы противъ такого образа изложенія съ перваго раза замѣтимъ, что философія должна опираться на чемъ-нибудь, а не сама на себѣ, то наше замѣчаніе не будетъ имѣть никакой силы. Ибо разбираемая философія, въ свою очередь, сама замѣтитъ намъ, что такой-то именно способъ изложенія и есть истинно философскій; что въ философіи само содержаніе должно быть абсолютнымъ, непосредственнымъ началомъ**), и она должна представлять собою кругъ и даже кругъ круговъ***). Столь же мало будетъ имѣть силы критика, если она, за неимѣніемъ началъ, всѣ эти положенія-результаты онтологическаго выведенія будетъ разбирать порознь, какъ самостоятельныя положенія. Разбираемая система опять замѣтитъ намъ, что ея положенія находятъ свое оправданіе только въ своемъ развитіи, въ той необходимости, съ какою одно изъ нихъ вытекаетъ изъ другого****). Такимъ образомъ въ обоихъ случаяхъ критика будетъ стрѣльбою мимо цѣли, доказываніемъ истины, имѣющимъ силу только для тѣхъ, кто и безъ того убѣжденъ въ ней, но нисколько не служащимъ къ оправданію или къ опроверженію разбираемой философіи самой въ себѣ.

Послѣ этого критику Гегелевой онтологіи оставалось бы, согласно съ ея собственнымъ желаніемъ, шагъ за шагомъ слѣдить за ея развитіемъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно слѣдуетъ, и замѣчать, соблюдена-ли въ немъ строгая послѣдовательность. Но и такой образъ дѣйствія, сколько онъ, повидимому, ни обѣщаетъ успѣха, не можетъ служить ни къ защитѣ, ни къ опроверженію разбираемой онтологіи. Гегелева философія, въ самомъ началѣ сво-

*) Тамъ же, стр. 24.

**) Тамъ же, стр. 59. Ср. также часть 3-я, стр. 322с.

***) Тамъ же, 3-я часть, стр. 341. Ср. *Sämmtliche Werke*, VI, 23, и *Logik*, Берлинъ, 1841, 1-я часть, стр. 60с.

****) *Phänomenologie des Geistes*, Берлинъ, 1841, стр. 5, 22с. Также *Logik*, 1-я часть, стр. 70.

емъ, многое уже предполагаетъ такое, что выводится только на самомъ концѣ ея: это должно открываться изъ того уже, что она составляетъ «кругъ круговъ». Самый новоизобрѣтенный диалектическій методъ, которымъ она начинаетъ и продолжаетъ свое развитіе, самое понятіе философіи объясняются только въ послѣдней главѣ логики *). Критикъ по необходимости становится въ затрудненіе. Если онъ хочетъ шагъ за шагомъ прослѣдить развитіе онтологическихъ понятій, то онъ долженъ съ самаго начала или объявить себя согласнымъ на новый методъ и замѣчать, не измѣнитъ-ли онъ самому себѣ; или отвергнуть его и пробовать, можно-ли выведенныя новымъ методомъ онтологическія понятія вывести обыкновеннымъ методомъ. Но въ первомъ случаѣ критикъ, взявшій на себя трудъ изслѣдовать основательность философіи, самъ на первомъ шагу поступитъ безъ всякаго основанія. Еще не зная и не имѣя права знать, выведетъ-ли этотъ методъ самъ себя, онъ уже соглашается на него, и тѣмъ уже самымъ, безъ всякаго изслѣдованія, соглашается, можетъ-быть, на самый существенный пунктъ разбираемой философіи. И это тѣмъ болѣе вѣрно, что, по свидѣтельству самого Гегеля, его методъ есть вѣнецъ всей философіи, — не есть одна форма познанія, но самъ по себѣ есть истиннѣйшее содержаніе и душа всего содержанія. Въ другомъ случаѣ, если критикъ будетъ судить о выведеніи по отношенію его къ обыкновенному методу, — его критика опять будетъ имѣть силу только для «своихъ». Разбираемая философія все еще будетъ имѣть право сказать: «мы правы! онъ судилъ насъ по чужимъ законамъ»!

Чувствуя всѣ эти затрудненія, нѣкоторые критики, не согласныя съ убѣжденіями Гегеля, старались для его опроверженія найти такой пунктъ, касательно котораго равно были бы согласны и онъ и они. Принявъ этотъ пунктъ за критерій, они потомъ показывали несогласіе съ нимъ прочихъ положеній Гегелевой философіи. Но это — самый несчастный способъ обсуживанія Гегелевой философіи. Такіе критики считаютъ обыкновенно христіанство такимъ пунктомъ, на коемъ ихъ убѣжденія сходятся съ Гегелевыми, но они забываютъ, что Гегель принимаетъ истинность христіанства, но не вполне, а только на извѣстной степени духовнаго образованія. Называя христіанство абсолютною религіею, онъ въ слѣдующей же главѣ поставяетъ абсолютное знаніе, какъ

*) Тамъ же, часть 3-я, стр. 317—343.

новую истину, въ которой должна раствориться истина христіанства *). Такая критика не только не опровергаетъ Гегеля,— она не защищаетъ даже и себя самой, ибо она не только не входитъ внутрь истины противника, но и для собственнаго мнѣнія не старается найти основаній, а ставитъ его безъ опоры, какъ будто уже дѣйствительно признанное противникомъ. Она нѣкоторымъ образомъ служитъ даже къ защищенію Гегелевой философіи. Поставивши на видъ согласіе критики на одно изъ своихъ положеній, эта философія можетъ указать на нее, какъ на живой примѣръ сознанія, еще не возвысившагося до абсолютнаго знанія. Да и нельзя найти во всей философіи Гегеля ни одного пункта, согласнаго съ мнѣніями христіанской философіи; если и найдемъ такой, то онъ не будетъ имѣть достаточной общности для того, чтобы служить критеріемъ. Все, чѣмъ бы мы ни стали опровергать эту философію, все это тамъ уже объяснено, и объяснено такъ, какъ выгодно для нея. Самые законы мышленія, на которые бы мы сослались, общій смыслъ, самое понятіе философіи—все это тамъ принимается въ иномъ смыслѣ. И на всѣ возраженія, приводимыя со стороны, она будетъ упорно отвѣчать, что она оправдываетъ сама себя.

Послѣ всего этого критикъ, очевидно, становится почти въ такое же отношеніе къ Гегелевой философіи, въ какомъ находится реалистъ къ чистому скептику. Какъ ни очевидна ложность мнѣнія послѣдняго, его нельзя опровергнуть, не допустивъ крута въ собственное доказательство (*circulus in probando*). По неволѣ должно или ограничиться простымъ «нѣтъ», или употребить какой-нибудь софизмъ, остроумный, но, во всякомъ случаѣ, логически неправильный **). Но и подобнымъ софизмомъ нельзя воспользоваться при разборѣ Гегелевой онтологіи, потому что это не одно положеніе, а цѣлый рядъ ихъ, и, слѣдовательно, нужно выставить противъ нихъ такой же рядъ софизмовъ.

Если и послѣдній способъ обсуживанія Гегелевой философіи оказывается неудовлетворительнымъ, то мы по необходимости

*) *Phänomenologie*, стр. 542—573, 574сс.

***) Таково прославленное „*cogito, ergo sum*“. Конечно, это совершенная правда, что мышленіе свидѣтельствуетъ мнѣ о моемъ бытіи; но дѣло въ томъ, что скептикъ, отвергая бытіе, конечно, тѣмъ самымъ отвергаетъ уже и мышленіе, и поэтому доказательства бытія мышленіемъ никакъ нельзя назвать совершенно правильнымъ.

снова возвращаемся къ первому способу, уже отвергнутому. Нѣтъ-ли въ Гегелевой философіи тѣхъ началъ, которыхъ при первомъ взглядѣ мы не нашли въ ней,— началъ, если не прямо положенныхъ, то, по крайней мѣрѣ, предположенныхъ? Не есть ли эта система только искусная уловка, по которой стоитъ согласиться лишь на первый шагъ ея, чтобы потомъ уже не имѣть права воротиться назадъ и сказать, что она не даетъ обѣщанной истины? Или, по меньшей мѣрѣ, не обманывается-ли она сама, увѣряя себя и другихъ, что она дошла до своихъ началъ только въ концѣ себя самой? Пусть она утверждаетъ, что она такую быть должна,— мы спросимъ ее, стала-ли она и можетъ-ли она быть такою, какою, по ея мнѣнію, она должна быть?

Прежде всего замѣтимъ, что разбираемая нами система, если и не хочетъ признавать впереди себя началъ въ смыслѣ оснований (Princip), то должна однакожъ согласиться, и дѣйствительно соглашается, что она имѣетъ начало, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ начинанія (Anfang, initium). При всей своей кругообразности, она однакожъ не болѣе, какъ выведеніе или послѣдовательный процессъ понятій, и, слѣдовательно, кругъ ея есть только возвращеніе линіи къ своей исходной точкѣ, а вовсе не такая замкнутость, какую представляетъ намъ, напримѣръ, колесо или кругъ геометрическій. Коль скоро же философія имѣетъ начинаніе, то это начало, конечно, уже не есть чистое ничто, но имѣетъ опредѣленное содержаніе, хотя Гегель и старается доказать, что начало его науки есть «совершенная неопредѣленность и пустота» *). Ничто, какъ начало, еще вообразимо, когда дѣло идетъ о началѣ въ смыслѣ объективномъ, т.-е. о началѣ самихъ вещей; да и тамъ его можно представить собственно только какъ предѣлъ начала, а не какъ самое начало. Но когда дѣло идетъ о наукѣ, то началомъ ея не можетъ быть чистое ничто по тому уже самому, что оно есть не просто только начало, но именно *начало науки*: это самое уже и составляетъ его опредѣленное содержаніе, что оно именно есть начало *науки*. Поэтому, если бы наука и начала дѣйствительно ничтожествомъ или, если угодно, бытіемъ, равнымъ ничточеству, какъ именно и дѣлаетъ разбираемая нами онтологія, то это ничто вовсе не будетъ совершеннымъ ничтожествомъ, или просто ничѣмъ; но ничтожествомъ, какъ уже достояніемъ науки, т.-е. не самимъ ничтожествомъ, а

*) Logik, часть I-я, стр. 43.

понятіємъ ничтожества, понятіємъ совершенно пустымъ, конечно, но все же понятіємъ,—чѣмъ-либо, а не ничѣмъ. Дѣйствительное, чистое ничто неуловимо для науки, невыразимо и невообразимо, ибо какъ скоро мы будемъ говорить о немъ или представлять его, то будетъ уже представленіе о ничтожествѣ и, слѣдовательно, что-либо, а не ничто. Если бы даже наука сказала намъ, что она начинаетъ именно ничѣмъ, т.-е. такую пустотою, которая не есть даже и понятіе, то это были бы пустыя слова безъ всякаго значенія. Началомъ въ такомъ случаѣ было бы опять не это ничто, которое наука положила бы себѣ въ возглавіе, а то, что послѣдовало за нимъ, что-либо; ничто, это чистое ничто значило бы здѣсь то же, что значить нуль, поставленный предъ единицей, т.-е. не значило бы ничего *). Итакъ, во всякомъ случаѣ, чѣмъ бы ни начала наука, ея начало должно имѣть опредѣленное содержаніе, хотя бы это содержаніе и состояло только въ томъ, что оно—понятіе; говоря другими словами, первое понятіе науки непремѣнно предполагаетъ существованіе другихъ понятій, безъ которыхъ невозможно его собственное бытіе.

Чтобы вполне увѣриться во всемъ, сказанномъ выше, стоитъ бросить самый поверхностный взглядъ на разбираемую нами систему: тамъ мы тотчасъ откроемъ, что всѣ части ея, которыя имѣли или имѣютъ притязаніе быть первыми, какъ-то: феноменологія, логика и первая часть энциклопедіи,—обременены множествомъ предисловій, введень и предварительныхъ понятій. Всѣ эти предисловія и введенья, по сознанію самого философа, стоятъ внѣ самой науки и суть не болѣе, какъ только предвзятія увѣренія, т.-е. раскрываютъ напередъ науки, что послѣ будетъ выведено и объяснено въ самой системѣ. Спрашивается, къ чему же это? Зачѣмъ объяснять то, что еще будетъ объяснено въ своемъ мѣстѣ? Конечно, затѣмъ, что, не зная этихъ предварительныхъ понятій, не можетъ вступить въ самую науку ея читатель, и, слѣдовательно, не могъ приступить къ ея построенію самъ философъ.

Итакъ, если въ наукѣ есть предположенія, составляющія необходимые условія ея бытія, то мы имѣемъ полное право раз-

*) Въ другихъ языкахъ это выражается очень удачно. Тамъ нельзя выразить бытія ничтожества безъ того, чтобы этимъ самымъ выраженіемъ не сказать, что его вовсе не существуетъ. *Nichts ist, nihil est, οὐδέν ἐστι*—значить въ одно и то же время, что „ничто есть“, и вмѣстѣ, что „ничего нѣтъ“.

смаивать ихъ какъ основанія этой науки, потому именно, что эти предположенія даются прежде всѣхъ другихъ понятій. Правда, и здѣсь Гегель какъ будто съ намѣреніемъ хочетъ затруднить испытательный взоръ критика, тѣмъ именно, что двѣ части своей науки равно называетъ первыми. Издавъ свою феноменологію духа прежде другихъ частей философіи, онъ тѣмъ самымъ какъ будто уже показалъ, что это первая часть его системы. Это подтвердилъ онъ и въ логикѣ, сказавъ, что она есть результатъ феноменологическаго изслѣдованія. Но въ послѣдствіи, въ своей энциклопедіи, да и въ самой логикѣ, онъ поставяетъ истиннымъ началомъ чистое бытіе, т.-е. начало логики. Онъ какъ будто хотѣлъ оставить себѣ на всякій случай ту отговорку, что первое понятіе каждой изъ частей его философіи, за какую мы ни возьмемся, есть непосредственный результатъ другой части той же науки. Но на эту уду, если это и было дѣйствительно удою, можно поймать только того, кто обратилъ бы вниманіе только на одну какую-нибудь часть философіи, не спрашивая о другой,—кто, напримеръ, при разборѣ его логики, не хотѣлъ бы знать, существуетъ ли кромѣ нея, и въ какомъ именно отношеніи къ ней стоитъ феноменологія. Но если мы всѣ части философіи обнимемъ однимъ взглядомъ и спросимъ ее, какую же именно изъ частей она признаетъ первую,—ту или другую, то ужъ, конечно, она не можетъ сказать въ одно и то же время, что логика есть результатъ феноменологіи, а феноменологія съ своей стороны уже предполагаетъ логику. Сказать это значило бы утверждать, что вещь существуетъ прежде себя самой, и даже прежде того, откуда она возникла, иначе—утверждать совершенную нелѣпость. Итакъ, мы можемъ предположить, что, поставяя начальною наукою логику, философъ этимъ самымъ уже отказался отъ перваго своего свидѣтельства, будто первая часть его философіи есть феноменологія; и, слѣдовательно, безъ опасенія можемъ разсматривать содержаніе, съ какимъ выступаетъ начало логики, какъ нѣчто первое, прежде всей науки данное, или какъ чистое предположеніе. На это мы нѣкоторымъ образомъ уполномочиваемся самимъ Гегелемъ, который, рассуждая о началѣ науки, признается, что «*принципъ* долженъ быть вмѣстѣ и началомъ (Anfang), и то, что составляетъ *пріус* для мышленія, должно быть *первымъ* и въ *ходѣ* мышленія» *).

*) Тамъ же, стр. 56.

I. Такимъ образомъ первымъ нашимъ вопросомъ будетъ: съ какимъ именно опредѣленнымъ содержаніемъ является начало логики? И потомъ, на какомъ основаніи она опредѣляетъ его такъ, а не иначе, и достаточно-ли этого основанія?—Здѣсь къ нашей выгодѣ служить то, что это предположенное содержаніе, по тому самому, что оно предположенное, стоитъ внѣ самой науки, и, слѣдовательно, мы можемъ разбирать его, нисколько не стѣсня себя діалектическимъ методомъ; тѣмъ болѣе, что предисловія и введенія Гегеля, гдѣ большею частію высказываются эти предположенія, изложены не этимъ діалектическимъ методомъ, но суть, по выраженію самого философа, простыя резонированія *).

II. Обсудивши научныя предположенія Гегелевой системы, мы уже безопасно можемъ приступить къ разбору самого выведенія онтологическихъ понятій и разсмотрѣть, вѣрна-ли эта діалектика и самой себѣ, и своимъ основопредположеніямъ. И это для насъ будетъ тѣмъ легче, что онтологія Гегеля, по свидѣтельству его самого, заключается въ его логикѣ **), и, слѣдовательно, для насъ возможенъ непосредственный переходъ отъ предположеній къ самому выведенію.

III. Послѣ того, не опасаясь уже упрековъ за «судъ по чужимъ законамъ», мы будемъ имѣть полное право разсматривать онтологическія понятія Гегеля въ ихъ отдѣльности, уже не какъ моменты діалектическаго развитія, а какъ самостоятельныя предположенія, и произнести судъ объ ихъ состоятельности или несостоятельности не на основаніи ихъ собственной, внутренней послѣдовательности или непослѣдовательности, но на основаніи ихъ вѣрности (или невѣрности) началамъ, признаваемымъ нами за истинныя.

Предложенный способъ даетъ надежду достигнуть своей цѣли, потому что масштабъ для повѣрки философскихъ положеній беретъ не чуждыя для разбираемой философіи начала и не какой-либо частный пунктъ ея, но тѣ самыя основанія, на которыя думаетъ опереться она сама. Конечно, и онъ имѣетъ свои невыгоды, такъ какъ критикъ Гегеля имѣетъ дѣло съ гениальнымъ противникомъ, который болѣе или менѣе предвидитъ и предупреждаетъ всѣ возможныя возраженія противъ своей сис-

*) Тамъ же, 25.

**) Тамъ же, 51.

темы. Но предшествующее изслѣдованіе уже показало намъ, что это единственно возможный наукообразный способъ обсуживанія Гегелевой философіи вообще и онтологіи въ частности.

Съ какимъ именно предположеннымъ содержаніемъ является начало логики? И законно-ли такое предположеніе?

Не много нужно догадливости, чтобъ отвѣчать на первый изъ предложенныхъ выше вопросовъ. Во-первыхъ, во вступленіи уже было раскрыто, что всякое начало науки, какъ бы оно пусто ни было, всегда уже имѣетъ въ себѣ то опредѣленное содержаніе, что оно именно и есть начало науки. Во-вторыхъ, извѣстно намъ, что самъ Гегель не даетъ своему первому понятію рѣшительно никакого содержанія и полагаетъ его равнымъ ничтожеству и даже тождественнымъ съ нимъ. Отсюда легко понять, что первое понятіе Гегелевой логики, или понятіе чистаго бытія, имѣетъ въ себѣ то опредѣленное содержаніе, что оно, во-первыхъ, принадлежитъ философіи, во-вторыхъ, что оно служитъ именно ея началомъ, т.-е. что изъ него тѣмъ или инымъ образомъ рождаются всѣ остальные понятія философіи, и въ-третьихъ, наконецъ, что оно есть совершенная пустота и ничтожество. Другими словами, въ чистомъ бытіи у Гегеля предполагается понятіе философіи, понятіе метода философскаго и понятіе ничтожества. Для яснѣйшаго раскрытія всѣхъ этихъ предположеній, очевидно, нужно объяснить, въ чемъ состоитъ по Гегелю особенность философіи и особенность философскаго метода. Раскрывать понятіе ничтожества мы не имѣемъ нужды по той простой причинѣ, что такъ какъ оно ничто, то о немъ и сказать нечего, кромѣ того, что оно—ничто.

Если мы не хотимъ нарушить послѣдовательность въ образѣ изложенія, то довольно трудно дать опредѣленное понятіе философіи въ смыслѣ Гегеля, не говоря ни слова о самомъ выведеніи этой науки, и трудность эту признавала, и даже не разъ, сама разбираемая нами философія *). Затрудненіе состоитъ здѣсь именно въ томъ, что философія, по мнѣнію Гегеля, есть конечный результатъ всего философскаго изслѣдованія, и притомъ такъ, что понятіе философіи заключаетъ въ себѣ, какъ свое содержаніе, или какъ свои элементы, всѣ понятія, какія она ни вы-

*) Тамъ же 24. Phänomenologie 3.

вела въ продолженіе своего долгаго пути, отъ самаго перваго до послѣдняго. Поэтому, очевидно, для того чтобы дать понятіе о философіи, нужно по надлежащему сперва изложить ее въ ея дѣйствительномъ выведеніи; между тѣмъ какъ для насъ необходимо совершенно обратный способъ поступанія. Правда, на основаніи всего сказаннаго во вступленіи, мы имѣемъ полное право предположить, что, кромѣ самаго выведенія науки, есть другія основанія, по коимъ Гегель принялъ такое, а не иное понятіе философіи,—иной процессъ, посредствомъ коего сложилось это понятіе въ его мышленіи,—но мы не имѣемъ никакого права знать теперъ эти основанія. Для отысканія ихъ самихъ масштабомъ можетъ служить только самое это искомое понятіе философіи; и слѣдовательно, если бы мы захотѣли изложить здѣсь напередъ этотъ иной процессъ, то должны были бы отыскивать неизвѣстное посредствомъ другого неизвѣстнаго что было бы совершенно неразумнымъ противорѣчіемъ. Итакъ, что мы можемъ сказать о философіи напередъ, такъ это только самое общее,—то именно, что Гегель самъ излагаетъ въ своемъ введеніи къ логикѣ *). Для этой цѣли, конечно, не достаточно сказать только, что философія есть знаніе, ибо существуетъ знаніе и нефилософское. Философія, истинная философія или абсолютное вѣдѣніе, по Гегелю, имѣетъ ту особенность отъ знанія нефилософскаго, что она должна побѣдить и уничтожить всѣ противоположности, которыя представляютъ себѣ противоположностями всякое другое сознаніе.

Чтобы понять это, надобно вспомнить, что міръ представляется намъ и обыкновенно понимается нами, какъ совокупность безчисленнаго множества отдѣльныхъ существъ, кои относятся другъ къ другу, какъ противоположность къ своей противоположности, или, по крайней мѣрѣ, какъ другое къ своему другому (*alter alterius*). Такъ именно, во-первыхъ, сознаніе отличаетъ себя само отъ своего предмета и считаетъ предметъ существующимъ отдѣльно и независимо отъ знанія; далѣе, какъ самый предметъ знанія пред-

*) Довольно подробно Гегель излагаетъ понятіе философіи въ предварительныхъ понятіяхъ (*Vorbegriffe*) къ своей энциклопедіи, но изложить ихъ здѣсь нѣтъ никакой возможности, ибо, по причинѣ самой своей подробности, это понятіе говоритъ очень много такого, чего вовсе нельзя понять, не прочитавши самой науки. Слова, напримѣръ, мышленіе, истина, духъ и проч. опредѣляются не по общему смыслу, но по понятіямъ новѣйшей философіи.

ставляется намъ безчисленнымъ множествомъ отдѣльныхъ вещей, такъ и самое знаніе мы понимаемъ, какъ безчисленное множество знающихъ я. Философія, теперь, чтобы стать истинною философіей или абсолютнымъ вѣдѣніемъ, должна освободиться отъ всѣхъ этихъ противоположеній въ сознани и знать все, какъ единое и существенно тождественное. Прежде всего именно она должна уничтожить первое раздвоеніе въ сознани или отдѣленіе познающаго я отъ предмета, т.-е. должна мыслить, что міръ внѣшній есть то же самое, что и познающее я, что онъ принадлежитъ мнѣ, какъ мое собственное произведеніе. Словомъ, философія существенно должна быть самосознаніемъ. Равнымъ образомъ она не должна видѣть противоположностей ни въ я, ни въ самыхъ предметахъ. Чтобы возвыситься до абсолютнаго вѣдѣнія, я, это отдѣльное я, должно отрѣшиться отъ своей индивидуальности и стать выше всего отдѣльно-мыслимаго. Петръ, наприимѣръ, долженъ забыть, что онъ Петръ, что онъ русскій, что онъ принадлежитъ XIX вѣку и проч., и проч.,—словомъ, я долженъ забыть все, что имѣло бы хотя какое бы то ни было различіе во мнѣ самомъ или внѣ меня, забыть, что я—я, забыть даже и то, что весь міръ принадлежитъ мнѣ, что я есть самосознаніе *). На этой точкѣ, очевидно, я буду представлять себя совершенно пустымъ, безразличнымъ и вмѣстѣ всѣмъ, т.-е. носящимъ въ себѣ все и вовлекшимъ въ себя все, что ни было внѣ меня; или, еще точнѣе, я не буду себя представлять даже и этимъ, не буду вовсе представлять ничего, и буду просто только мышленіемъ или созерцаніемъ, совершенно простымъ и безразличнымъ. Знаніе будетъ чистымъ бытіемъ, въ которомъ нѣтъ *ничего*, ни того, ни этого, ни другого, и вмѣстѣ есть *все*, или оно можетъ стать *всѣмъ*, чѣмъ угодно, и тѣмъ, и этимъ, и другимъ. Это и будетъ начало абсолютнаго вѣдѣнія, побѣда разумности

*) Замѣтимъ здѣсь мимоходомъ для тѣхъ критиковъ, которые думаютъ опровергнуть Гегеля христіанскими началами или его согласіемъ на эти начала, что Гегель не признаетъ для себя авторитета откровеній религіи потому, что въ ней, по мнѣнію Гегеля, духъ еще не побѣдилъ своего сознани, т.-е. смотритъ на свое сознани все еще какъ на сознани, не забываетъ его, не дѣлаетъ своего самосознани предметомъ сознани. А истина-то, по его мнѣнію, заключается въ совершенной побѣдѣ надъ всѣми различіями, и его философія достигла уже такой побѣды. Изъ этого очевидно, что сперва надо доказать, что не въ этой побѣдѣ истина, а потомъ уже сравнивать положенія Гегеля съ истинами религіи. См. Phänomen., стр. 544 сс.

надъ ненаучнымъ знаніемъ, и съ этого пункта и начинается Гегелева философія.

Вслѣдствіе этого мы можемъ сказать вообще, что философія по Гегелю, состоитъ въ началѣ своемъ въ совершенномъ тождествѣ и безразличномъ единствѣ всѣхъ противоположностей.

Если мы спросимъ теперь о философскомъ методѣ или о томъ, какъ начало науки должно развиваться изъ себя свое содержаніе, то и здѣсь представляется та же самая трудность, которая представлялась выше, потому что и понятіе о методѣ философскомъ выводится Гегелемъ только на концѣ логики. Слѣдовательно, и здѣсь мы должны ограничиться опять самымъ общимъ понятіемъ объ образѣ поступанія, посредствомъ коего наука или абсолютное вѣдѣніе разовьетъ все содержаніе сущаго изъ этого своего безразличія, которое дѣйствительно равно ничтожеству. Такое общее характеристическое свойство абсолютнаго метода состоитъ именно въ томъ, что первое понятіе должно развить изъ себя все содержаніе сущаго опять по противоположностямъ. Понятіе, именно, рождаетъ изъ себя свою противоположность или, лучше, становится этою своею противоположностію, раздвояется на два, взаимно исключающіе себя момента. Эти два момента, такъ какъ они взаимноисключающіе, уничтожаютъ потомъ опять другъ друга и снова, такимъ образомъ, становятся единымъ понятіемъ. Но это новое понятіе совсѣмъ уже не то, чѣмъ были два уничтоженные момента въ своемъ первомъ единствѣ, т.-е. простою безразличностію: эта безразличность уже раздвоилась, и этого раздвоенія нельзя уже заглазить такъ, чтобы не видно было и слѣда его. Новое понятіе есть понятіе единое, но уже раздѣльно заключающее въ себѣ обѣ противоположности, изъ коихъ оно составилось. Потомъ это единство опять распадается на двѣ противоположности, т.-е. опять становится тѣмъ, чѣмъ оно не есть само по себѣ, и это снова смыкается въ новое единство, въ коемъ опять уже содержатся раздѣльно первыя два понятія и два понятія послѣднія. Такое поступаніе все будетъ идти и идти впередъ тѣмъ же порядкомъ, подобно процессу кровообращенія, въ коемъ кровь то вдругъ отливаетъ отъ сердца къ оконечностямъ, то снова приливаетъ къ нему, и потомъ опять расходится и дѣлаетъ новый кругооборотъ.

Если теперь сообразимъ какъ то, такъ и другое предположенное понятіе, т.-е. какъ понятіе философіи, такъ и понятіе ме-

тогда, то увидимъ, что и то и другое, въ сущности своей, заключаетъ одно и то же и одно на другомъ основывается. Поэтому оба предположенія мы можемъ свести въ одно общее и выразить его такъ: первое понятіе Гегелевой философіи предполагаетъ въ себѣ истинность того закона, будто всѣ противоположности, по своей сущности, составляютъ одно и то же и должны быть понимаемы опять какъ тождественныя, т.-е. должны быть сводимы опять въ единство. Существованіе у себя такого именно предположенія признаетъ отчасти и самъ Гегель, когда говоритъ, что наука уже предполагаетъ освобожденіе сознанія отъ противоположности *). Усмотрѣніе этого единства противоположностей онъ называетъ трудно переводимымъ словомъ *Spekulation*, въ отличіе отъ обыкновеннаго воззрѣнія, называемаго у него разсудковымъ мышленіемъ, по коему противоположности составляютъ нѣчто отдѣльное, чуждое другъ другу и въ сущности несоединимое между собою.

По отысканіи основныхъ предположеній Гегелевой онтологіи, мы должны теперь, сообразно предположенному плану, рассмотреть, законны-ли эти предположенія.

Съ перваго взгляда они представляются незаконными уже потому, что они—предположенія, т.-е. потому, что не высказывается при нихъ никакихъ основаній, почему бы слѣдовало такой образъ воззрѣнія считать совершенно вѣрнымъ и истиннымъ.

Прежде всего нельзя сказать, чтобы предположеніе Гегелевой онтологіи носило въ самомъ себѣ свою истину, въ самомъ себѣ заключало основаніе, почему оно должно быть принимаемо за вѣрное и истинное. Такая фраза представляется даже совершенно бессмысленною, и о ней не нужно было бы и говорить какъ о многомъ другомъ, общеизвѣстномъ, что здѣсь говорится и доказывается, если бы это разсужденіе не имѣло предметомъ своимъ критику такой философіи, которая именно идетъ наперекоръ всему общепринятому, и если бы въ этой философіи дѣйствительно не встрѣчались фразы, имѣющія именно такое значеніе **). «Основаніе перваго понятія науки, или истинность его, заключается въ немъ самомъ»,—какъ понимать такое выраженіе? Очевидно, оно имѣетъ тотъ смыслъ, что первое предполо-

*) *Logik*, I, 33.

**) Тамъ же, I, 62.

женіе науки не основывается ровно ни на чемъ. О наукѣ самой по себѣ, конечно, это можно было бы еще сказать, если только принять ее въ томъ именно значеніи, какое показано было выше. Но мы говоримъ совсѣмъ не о наукѣ самой по себѣ, но именно объ этой опредѣленной наукѣ, о наукѣ, какъ предположеніи Гегеля; не о *причинѣ*, почему наука *существуетъ* такъ, а не иначе, а объ *основаніи*, почему ее Гегель *понимаетъ* такъ, а не иначе. Спрашивать о причинѣ, почему наука такова, а не иная, можно только тогда, когда мы уже увѣрились, что она дѣйствительно такова. Но насъ еще не увѣрили, и объ этомъ-то самомъ мы и спрашиваемъ, чѣмъ Гегель увѣритъ насъ, что онъ понимаетъ науку именно такъ, какъ слѣдуетъ? Съ чего онъ взялъ ее такъ понимать? Какимъ путемъ дошелъ до такого понятія? Въ этомъ случаѣ сказать, что наука не основывается ни на чемъ, конечно, не захочетъ сама философія Гегеля; ибо это значило бы признать себя самою *неосновательною*. Да если бы она и захотѣла, то не должна признать себя такою, по той простой причинѣ, что, говоря строго, это сдѣлать она даже не въ *состояніи*. Во всякомъ случаѣ, она принадлежитъ извѣстному лицу, вышла изъ него и чрезъ него и, слѣдовательно, необходимо имѣетъ свое основаніе или свою точку выхода, по крайней мѣрѣ въ немъ, въ его произволѣ, или хотя въ его предыдущей духовной жизни, пока онъ не дошелъ еще до даннаго предположенія. Гегель самъ признается, что внѣ его науки предполагается, по крайней мѣрѣ, намѣреніе или рѣшимость (*Entschluss*) начать ее *). Слѣдовательно, хотя-бы одно только намѣреніе, а все-таки былъ поводъ къ принятію такого, а не иного предположенія.

Если же предположеніе Гегелевой онтологіи не можетъ въ самомъ себѣ заключать основаніе своей истинности, то самое естественное слѣдствіе вытекаетъ такое, что это предположеніе если не совершенно ложно, то, по крайней мѣрѣ, не достоверно-истинно. Такое слѣдствіе основывается именно на томъ, что наука или знаніе отдѣльнаго лица къ тому, изъ чего она выходитъ или на чемъ основывается, относится вовсе не какъ неизбѣжно-необходимое его явленіе, но какъ дѣйствіе совершенно свободное, которое можетъ выводить изъ своего основанія то, чего въ немъ совсѣмъ нѣтъ, или даже брать самое основаніе такое,

*) Logik, I, 59.

какое вовсе не имѣетъ права быть основаніемъ. Въ такомъ же свободномъ отношеніи находится наше знаніе и къ самымъ законамъ своимъ: при выведеніи своего предположенія, оно можетъ и повиноваться, и столько же можетъ и не слушать ихъ, и слѣдовать одному произволу философа. Поэтому, если наука скрываетъ отъ насъ свои основанія да и самый образъ выведенія изъ этихъ основаній, и начинаетъ уже самымъ результатомъ, то остается мѣсто сомнѣнію, основывался-ли философъ на началахъ, стоящихъ довѣрія, или слѣдовалъ одному своему произволу. Такое сомнѣніе тѣмъ болѣе можетъ имѣть мѣста, что всего естественнѣе предположить причину умалчиванія основаній философіи именно въ сознаніи ихъ безсилія, въ боязни открыть ихъ неудовлетворительность, которая безъ того, можетъ-быть, останется незамѣченною. Конечно, все бы это еще ничего, если бы только Гегелева онтологія была единственною въ своемъ родѣ, т.-е. если бы существовалъ только Гегель съ своею онтологіею, и никого болѣе. Тогда, какъ бы ни произвольны были его положенія, они имѣли бы, по крайней мѣрѣ въ извѣстный моментъ, достоинство полной истины. Хотя и ложныя сами въ себѣ, но истинныя для него, они были бы истинны и для всѣхъ, ибо въ немъ одномъ заключались бы всѣ, и его личный произволъ былъ бы вмѣстѣ и верховнымъ закономъ знанія. Но въ томъ-то и дѣло, что существуютъ другія онтологіи, принадлежащія другимъ лицамъ, и въ одно и то же время съ Гегелевою выводятъ понятія совершенно съ инымъ значеніемъ; а если бы даже не выводили, то, по крайней мѣрѣ, предполагается всегда возможность такого выведенія. А въ такомъ случаѣ нельзя ограничиться однимъ простымъ увѣреніемъ, что мои положенія вѣрнѣ твоихъ! «Увѣряя такимъ образомъ,—скажемъ словами самого Гегеля,—философія объявила бы свою силою свое бытіе; но неистинное знаніе защититъ себя тѣмъ же и будетъ увѣрять, что для него наука ничто; а *одно* сухое увѣреніе столько же значитъ, сколько и другое» *), или, лучше, оба не значатъ ничего.

Разбираемой нами философіи—мы этому очень вѣримъ—хотѣлось бы, чтобы обращались съ вопросами не къ лицу, ее составившему, а именно къ ней самой; ей очень хотѣлось бы, чтобы мы повѣрили ея всеобщности, повѣрили, что она-то и есть

*) Phän., стр. 60.

наука сама по себѣ, и что лицо, это индивидуальное лицо или Гегель, уже уничтожилось въ ней; и съ этою-то цѣлью она всегда и говоритъ со своими читателями отъ своего собственного лица, а не отъ лица своего автора; ей хотѣлось бы, чтобы и всѣ другія я также признали и себя самихъ, и всѣ вещи совершенно исчезнувшими въ ней, и повѣрили, что она обнимаетъ все, и мы сами уже въ ней, и никакое противорѣчіе невозможно. Но это такое странное желаніе, которому доказывать его безразсудность надобно вещами слишкомъ ужъ простыми и очевидными. Въ томъ-то все и дѣло, что мы пока еще не хотимъ уничтожиться, и не видимъ основанія къ этому; этого-то основанія мы и просимъ: къ чему намъ разставаться съ своею индивидуальностію и къ чему уничтожать ее всюду, гдѣ она ни является?

Конечно, правда и то, что Гегель не могъ никакъ обойтись безъ того, чтобы не предполагать основаній своей философіи внѣ самой науки. Если бы онъ захотѣлъ устранить такое предположеніе, то, конечно, онъ прежде всего долженъ былъ бы сдѣлать не другое что, какъ положить внутри самой науки то, что лежитъ теперъ внѣ ея, какъ основаніе ея начала или исходный пунктъ ея. Но чрезъ это онъ сдѣлалъ бы только то, что, вмѣсто одного предположенія, выбралъ бы другое, ибо и это новое начало, на которое мы доселѣ смотрѣли, какъ на основаніе прежняго, должно же имѣть подобно прежнему какой-нибудь опредѣленный и, слѣдовательно, предположенный смыслъ, о коемъ мы опять можемъ спросить, на чемъ онъ основывается. И какъ далеко ни будемъ простирались въ такомъ вовлеченіи лежащаго внѣ науки въ самую науку, результатъ всегда будетъ одинъ и тотъ же: мы будемъ только перемѣнять предположенія одно на другое, а не совершенно освободиться отъ нихъ. Наконецъ, мы дойдемъ до такихъ понятій, кои опредѣляются уже непосредственнымъ какимъ-либо фактомъ или какимъ-либо непосредственнымъ закономъ мышленія. Здѣсь мы должны остановиться. Мы уже не можемъ положить въ наукѣ самую вещь или самый законъ мышленія,—мы можемъ дать только понятіе о томъ и другомъ, можемъ представить вещь или законъ, какъ они суть въ наукѣ, а не ихъ самихъ, какъ они суть по себѣ.

Впрочемъ, если ужъ наука не можетъ не предполагать своихъ основаній внѣ самой себя, то, по крайней мѣрѣ, отъ нея, очевидно, требуется, чтобы она, въ отвращеніе всякаго сомнѣнія,

показала намъ эти основанія; именно, чтобы всѣ видѣли, что, во-первыхъ, и самое основаніе таково, что имѣетъ право опредѣлять содержаніе понятій, а во-вторыхъ, что и сама философія не погрѣшила въ выведеніи изъ этого основанія. Правда, нельзя найти ни такого основанія, которое встрѣтило бы во всѣхъ единомудушное согласіе на свою законность, ни такого понятія, котораго значеніе единогласно утверждается всѣми: противниковъ находило понятіе самаго бытія, на которое болѣе всего надлежало бы ожидать согласія. Но въ такомъ случаѣ отъ истинной философіи мы, по крайней мѣрѣ, имѣемъ право требовать, чтобы она доказала своимъ противникамъ истинность своего предположенія, и при этомъ взяла бы въ основаніе опять такой пунктъ, на который согласны и сами противники, т.-е. показала бы ихъ внутреннее противорѣчіе, по коему они сами опровергаютъ себя. Доказывая свое предположеніе, но только изъ своихъ же началъ, философія опять будетъ имѣть силу истины только для себя, а для другихъ будетъ имѣть значеніе произвольнаго мнѣнія. Противникъ противъ ея начала выставитъ свои основанія, и какъ то, такъ и другое будетъ имѣть одинаковую силу, или, лучше сказать, оба не будутъ имѣть никакой силы.

Но Гегель не трудится показывать основаній своего предположенія. Правда, онъ доказываетъ его, но изъ своихъ же началъ; или, лучше, доказываетъ свое предположеніе этимъ же самымъ предположеніемъ, выводитъ понятіе о философіи и философскомъ методѣ этимъ же самымъ недоказаннымъ методомъ. Вслѣдствіе всего этого, предположенія его вполне заслуживаютъ упрекъ, по крайней мѣрѣ, въ *ненаукообразности*, который онъ дѣлаетъ Шеллингу, Якоби и Рейнгольду. Его-то именно начало и нужно назвать «подобнымъ выстрѣлу изъ пистолета» или «проблематическимъ, въ видѣ просьбы предположеннымъ мнѣніемъ» *).

Впрочемъ, ненаукообразность еще не исключаетъ истины: предположенія Гегелевой онтологіи могутъ быть совершенно истинными и не смотря на то, что самъ философъ не постарался показать намъ основанія, которыя и для него самого служили опорой, да и для насъ должны быть ручательствомъ истинности его мнѣнія. Можетъ-быть, онъ не открылъ намъ своихъ основаній совсѣмъ не потому, что этими основаніями служилъ единственно его личный произволъ, и онъ такимъ образомъ чрезъ открытіе

*) Logik, I, 56, 59.

ихъ боялся обнаружить ничтожность какъ ихъ самихъ, такъ и тѣхъ предположеній, кои ими опредѣлены. Не мудрено, что имъ водило въ этомъ случаѣ совсѣмъ иное побужденіе. Основанія его предположеній, можетъ-быть, вполнѣ стоятъ довѣрія, и самый выводъ изъ нихъ совершенно правиленъ. И если эти основанія намъ не указаны, то это, можетъ быть, потому именно, что Гегель надѣялся найти внѣ своей системы и безъ того единодушное согласіе на свои предположенія. Связь между самими предположеніями и ихъ основаніями ему представлялась, можетъ-быть, столь тѣсною и необходимою, что, по его мнѣнію, мысль объ основаніи необходимо должна рождаться сама собою въ головѣ cadaquo, какъ скоро имъ высказано самое предположеніе. Ему казалось, можетъ быть, что при первомъ же объявленіи основнаго положенія спекулятивной философіи, каждый изъ насъ тотчасъ откроетъ въ самомъ себѣ законъ мышленія, доселѣ имъ незамѣчаемый, но между тѣмъ совершенно необходимый и даже составляющій всю жизнь нашего знанія,—тотъ именно законъ, что всѣ противоположности должны быть существенно понимаемы, какъ совершенно тождественныя между собою. Или, можетъ-быть, онъ думалъ, что каждый, услышавъ его предположеніе, въ самихъ вещахъ откроетъ доселѣ имъ незамѣчаемое, но совершенно необходимое и даже составляющее ихъ глубочайшую, внутреннюю натуру,—то именно, что всѣ противоположныя вещи сами собой переходятъ одна въ другую и называются совершенно тождественными между собою. Такъ что каждый даже удивится, какъ это онъ не видалъ доселѣ того, что столько существенно и необходимо. Что же касается до чуждыхъ философскихъ мнѣній, то Гегель считалъ ихъ, можетъ-быть, «пустымъ явленіемъ знанія, непосредственно исчезающимъ, при появленіи истинной науки» *), по силѣ собственнаго внутренняго противорѣчія, которое должно ясно открыться всѣмъ и каждому, коль скоро выступитъ на сцену философія спекулятивная. «Мы должны быть убѣждены,—говоритъ онъ,—что истина по природѣ своей получаетъ силу, если пришло ея время, и что она является только въ свое время и, слѣдовательно, никогда не является рано и никогда не встрѣчаетъ недозрѣлой публики» **).

*) Phän., стр. 60.

**) Тамъ же, 55.

Конечно, такое мнѣніе Гегеля о необходимости всеобщаго до- вѣрія къ его предположеніямъ не возвращаетъ его онтологіи до- стоинства наукообразности, такъ какъ оно само пока не болѣе, какъ недоказанное предположеніе, и взято изъ его же собствен- ной философіи. Но во всякомъ случаѣ оно приводитъ насъ къ тому заключенію, что *истинность* Гегелевыхъ предположеній еще требуетъ рѣшенія. Другими словами, если Гегель не показываетъ намъ зачатія (*Werden*) своей философіи, то мы сами должны отыскать и воспроизвести его, и рассмотреть, откуда же вышли эти предположенія. Необходимо-ли ихъ возникновеніе, и долж- ны-ли мы посему приписать имъ силу всеобщей истины? Или ихъ явленіе есть совершенно произвольное и случайное, и, слѣ- довательно, мы должны предоставить имъ право быть истинными, говоря словами самого Гегеля, именно только самимъ по себѣ и для себя, но болѣе рѣшительно ни для кого?

Если теперь мы станемъ отыскивать, нѣтъ-ли чего-нибудь внѣ Гегелевой логики, что необходимо вело бы къ ея предположе- ніямъ,—кромѣ собственнаго произвола ея сочинителя, или какихъ- либо мелочныхъ и случайныхъ обстоятельствъ, то первымъ пред- ставляется нашему вниманію, что такую точкою опоры можетъ служить чистое самосознаніе. Другими словами, не открылъ-ли Гегель въ себѣ самомъ, и не было-ли дѣйствительно въ немъ такой необходимости, по коей онъ не могъ иначе мыслить о противопо- ложностяхъ, какъ о чемъ-то существенно тождественномъ между со- бою,—будетъ-ли эта необходимость только формальнымъ закономъ, т.-е. необходимымъ отношеніемъ понятій между собою, или опредѣ- леннымъ, врожденнымъ правиломъ: «понимай вещи такъ, а не иначе»?

При этомъ мы замѣтимъ напередъ, что если бы Гегель и от- крылъ въ своемъ мышленіи такую необходимость, то она можетъ быть признаваема дѣйствительною или всеобщею необходимостію только, когда ее открываютъ у себя всѣ, такъ что вообще ни- кто не можетъ избѣгнуть того, чтобы не подчиняться ей въ сво- емъ мышленіи. Такъ, напримѣръ, никто не можетъ думать, что- бы дважды два не было четыре. Иначе, если мы и повѣримъ Гегелю, что онъ чувствуетъ въ себѣ неизбѣжную необходимость мыслить именно такъ, а не иначе, то мы имѣемъ полное право считать ее совсѣмъ не необходимостію, а такою же случайностію, какъ если бы она была основана и на чистомъ произволѣ. Такая необходимость, ощущаемая однимъ только лицомъ и никѣмъ бо-

лѣе, и силу имѣть, очевидно, можетъ только для него одного, и болѣе ни для кого. Ее можно съ полнымъ правомъ считать не болѣе, какъ слѣдствіемъ больного состоянія умственныхъ силъ или духовнымъ уродствомъ. Правда, Гегель какъ-будто противъ такого положенія. Но чѣмъ же послѣ этого мы будемъ повѣрять истину, если каждому предоставимъ право утверждать съ равною истинною то, что онъ находитъ въ себѣ одномъ?

Если же принять, что необходимость, открываемая въ самосознаніи, можетъ быть признана истинною необходимостію только тогда, когда ее ощущаютъ въ себѣ всѣ, то мы тотчасъ откажемся отъ своего предположенія, что Гегелевы предположенія основываются на самосознаніи. Извѣстно намъ, что съ давнихъ временъ логика, представительница общаго сознанія, полагаетъ неизмѣннымъ закономъ мышленія два правила, совершенно противоположныя тому, которое утверждается Гегелемъ. Именно, обыкновенная логика въ возглавіе своихъ изслѣдованій имѣетъ обыкновеніе полагать, что мышленіе всегда считаетъ каждую вещь равною самой себѣ, и, во-вторыхъ, что въ одномъ и томъ же актѣ мышленія не могутъ быть соединимы двѣ противоположности. И мы знаемъ, что человѣческое сознаніе никогда не противилось и доселѣ не противится этому закону; напротивъ, считаетъ даже совершенную невозможностію освобожденіе отъ него, и съ нарушеніемъ его признало бы разрушеннымъ все дѣло мышленія. Ибо если бы вещь должна была быть понимаема какъ совсѣмъ не то, что она есть, то не могло бы быть и никакого пониманія, и все обратилось бы въ хаосъ, въ которомъ нельзя узнать, что тамъ есть, и какъ именно. Напротивъ, обыкновенное сознаніе считаетъ себя тѣмъ счастливѣе и тѣмъ ближе къ своей цѣли, чѣмъ раздѣльнѣе можетъ отличать одну вещь отъ другой. — Впрочемъ, Гегель и самъ не думаетъ изъявлять притязаній на согласіе своихъ положеній съ общимъ сознаніемъ, а напротивъ торжественно отрекается отъ него и цѣль свою, какъ мы уже видѣли выше, поставляетъ именно въ томъ, чтобы возвысить это сознаніе надъ самимъ собою и заставить отказаться отъ основного образа своего воззрѣнія. Здравый смыслъ, который обыкновенно считается представителемъ мышленія, основаннаго на законахъ обыкновеннаго сознанія, играетъ у Гегеля роль столь незначительную, что о немъ говорится съ сожалѣніемъ, если не съ насмѣшкою *).

*) Phänomen., стр. 53.

Итакъ, если и есть у Гегеля какія-либо необходимыя основанія его предположенія, то, конечно, ужъ они находятся не въ самосознаніи, а въ чемъ-либо такомъ, что выше самосознанія, и чему должны подчиниться даже сами законы общаго мышленія.

Непосредственно вытекающимъ отсюда слѣдствіемъ можетъ служить то предположеніе, что выше самосознанія стоитъ свидѣтельство самихъ вещей или фактическаго бытія самихъ предметовъ знанія; т.-е. Гегель, можетъ-быть, въ движеніи самыхъ вещей открылъ, что онѣ, вопреки законамъ обыкновеннаго сознанія, выходятъ существенно изъ одного и того же, и опять одна другою уничтожаются, и снова возвращаются въ единство; что доброе само по себѣ есть уже и злое, истинное есть уже и ложное, и такъ далѣе. Что дѣйствительно Гегель имѣлъ въ виду такое основаніе, это видно изъ собственныхъ его словъ: ибо онъ ясно говорить, что возникновеніе его науки имѣетъ свою точку выхода опытъ, состоящій именно въ такомъ взаимно-уничтоживающемъ движеніи самихъ вещей *); торжественно увѣряетъ насъ въ необходимости этого движенія и даже представляетъ его дѣйствительный ходъ въ своей феноменологіи. Феноменологія именно есть тотъ путь, о которомъ мы говорили выше, какъ о возвышеніи индивидуальнаго я до абсолютнаго знанія,—постепенный процессъ самосовпаденія противоположностей. «Въ феноменологіи духа, говоритъ Гегель, я представилъ сознаніе въ его движеніи впередъ отъ первой, непосредственной его противоположности и предмета до абсолютнаго вѣдѣнія. Этотъ путь проходитъ чрезъ всѣ формы *отношенія сознанія къ объекту* и имѣетъ своимъ результатомъ понятіе науки. Такимъ образомъ это понятіе не имѣетъ здѣсь (т.-е. въ логикѣ) нужды въ оправданіи, ибо получило его тамъ **).

Слѣдствіе всего этого, конечно, то, что мы должны изслѣдовать, каковъ же этотъ опытъ, который будто-бы необходимо долженъ довести насъ до понятія абсолютнаго вѣдѣнія. Столько-ли онъ необходимъ, чтобы для него забыть основные законы нашего мышленія, и столько-ли правильно веденъ, чтобы мы могли повѣрить истинности его вывода? Правда, здѣсь представляется то затрудненіе, что мы рѣшились смотрѣть на эту науку не какъ на первую, но какъ на послѣднюю часть Гегелевой системы. Впрочемъ, такое затрудненіе разрѣшается само собою. Если мы будемъ раз-

*) Phän., стр. 66с.

**) Logik I, 31. Ср. тамъ же, стр. 57. Phänom., стр. 66, 69 сс.

бирать теперь эту науку, то, такъ какъ ея дѣло только довести насъ до понятія абсолютнаго вѣдѣнія, мы не должны считать ее ни первою, ни послѣднею частію философіи, но должны смотрѣть на нее, какъ на такой опытъ, который вовсе даже и не принадлежитъ къ самой наукѣ, а стоитъ внѣ ея и прежде ея. Поэтому, — говоримъ напередъ, — мы нисколько не должны стѣсняться, если встрѣтимъ въ ней какія-либо положенія, не имѣющія основаній въ самомъ фактическомъ бытіи разсматриваемыхъ вещей, но основывающіяся на той же наукѣ, къ коей она хочетъ насъ привести. Такія положенія мы прямо можемъ назвать неосновательными; предполагаемый опытъ будетъ дѣломъ насилія, а не добровольнымъ свидѣтельствомъ самихъ вещей.

Если перейдемъ теперь къ дѣйствительному разбору феноменологическаго изслѣдованія, то прежде всего неосновательнымъ оказывается уже и то, что опытъ поставляется выше чистаго самосознанія, и свидѣтельству самихъ вещей дается возможность противорѣчить общимъ законамъ мышленія, повѣрять ихъ и даже давать имъ чистую отставку. Гегель думаетъ въ опытѣ открыть ничтожность общихъ законовъ мышленія; но кто же будетъ производить этотъ опытъ, и гдѣ находится масштабъ, которымъ нужно повѣрять, что опытъ произведенъ совершенно правильно и выводъ изъ него сдѣланъ совершенно вѣрный? Конечно, и то, и другое не можетъ принадлежать никому кромѣ самого Гегеля: онъ будетъ и производить опытъ, и въ немъ же положенъ масштабъ для повѣрки этого опыта. Если же такъ, то спрашивается: что именно будетъ этимъ испытующимъ началомъ или мѣриломъ для повѣрки выводовъ? Если этимъ основаніемъ будутъ приняты общіе законы знанія и мышленія, то можно сказать заранѣе, что они не доведутъ Гегеля дожелаемаго имъ результата. Они скажутъ ему то же, что говорятъ и всѣмъ; велятъ ему знать вещи такъ же, какъ онѣ знаютъ и всѣми, ибо говорить иначе значитъ говорить противъ себя самихъ, противорѣчить самимъ с-бѣ, и притомъ такъ, что изъ ихъ свидѣтельства не можетъ быть выведено ровно никакого вывода. Изъ бытія самихъ вещей они покажутъ намъ собственную свою ничтожность; но если они ничтожны, то мы не должны вѣрить и тому самому показанію ихъ о себѣ, что они ничтожны. Если же Гегель будетъ водиться въ своемъ опытѣ какими-либо иными законами, то чрезъ это мы придемъ опять къ тому же, съ чего начали свое изслѣдованіе: съ чего

же Гегель взялъ эти иные законы, нашелъ-ли въ опытѣ, или чистомъ самосознаніи? Мы будемъ такимъ образомъ постоянно кружиться на одномъ и томъ же мѣстѣ, нисколько не подаваясь впередъ и нисколько не разрѣшая главнаго вопроса: на чемъ основываются предположенія Гегелевой онтологіи?—Но мало того, что знаніе феноменологическаго опыта необходимо должно быть испытующимъ,—оно тамъ есть вмѣстѣ и испытуемое или самый предметъ, о коемъ испытывается. А въ такомъ случаѣ оно, конечно, не можетъ сказать о себѣ ничего иного, какъ только то, чѣмъ оно есть и должно быть, по своимъ общимъ законамъ; и если скажетъ иное, то его свидѣтельство, какъ мы уже видѣли, будетъ свидѣтельствовать только о болѣзненномъ состояніи его органовъ и не будетъ имѣть никакой силы для другихъ отдѣльныхъ знаній, принадлежащихъ другимъ отдѣльнымъ лицамъ.

Гегель предвидѣлъ эти возраженія и поспѣшилъ, по-своему, предупредить ихъ. Онъ говоритъ, что въ феноменологическомъ опытѣ онъ вовсе не привноситъ своего испытующаго масштаба; что этотъ масштабъ заключается во взаимномъ отношеніи самихъ испытываемыхъ вещей, въ ихъ равенствѣ или неравенствѣ между собою; что предметъ и понятіе, такимъ образомъ, сами чувствуютъ свое неравенство, и вслѣдствіе этого сами собою, безъ всякаго нашего содѣйствія, уничтожаются и измѣняются на новыя, не требуя отъ насъ ничего, кромѣ совершенно страдательнаго, посторонняго наблюденія (Zusehen). Но говоритъ такъ—значитъ разрѣшать одно противорѣчіе другимъ, и еще сильнѣйшимъ. На первый разъ всѣ эти слова его значатъ не менѣе, какъ то, что безъ всякаго нашего дѣятельнаго участія всѣ вещи и всѣ я уничтожаются и приходятъ въ общее тожество; но что же это и будетъ, какъ не самое отчаянное противорѣчіе бытію вещей, которыя и послѣ его системы очень спокойно доселѣ существуютъ внѣ ея, и она—по крайней мѣрѣ, въ видѣ книги *)—существуетъ среди ихъ, а не онѣ среди нея? Да, кромѣ того, эти слова и сами себѣ противорѣчатъ въ высшей степени. Предметъ и сознаніе предмета сами собою уничтожаются и замѣняются; но вѣдь Ге-

*) Вотъ къ какимъ доказательствамъ надо прибѣгать при разборѣ этой знаменитой философіи. Сдѣлаемъ здѣсь маленькое замѣчаніе. Такое мнѣніе Гегеля объ опытѣ сознанія вѣрно, если смотрѣть на феноменологію, какъ на результатъ другихъ частей системы. Но разсматривать ее съ этой точки мы не имѣемъ права.

гель говоритъ же, что во всякомъ случаѣ мы должны имѣть при-
 смотръ за этимъ движеніемъ вещей, быть свидѣтелями ихъ из-
 мѣненія и уничтоженія. Спрашивается, кто же это *мы*? Конечно,
 не кто другой, какъ тѣ же самыя индивидуальныя *я*, которыя
 должны уничтожиться. Философъ особенно опирается на то, что
 это наблюденіе совершенно страдательное, что мы избавляемся
 даже отъ труда сравнивать испытываемыя вещи. Но что до того?
 Во всякомъ случаѣ, намъ оставляется возможность и обязанность
 наблюдать за опытомъ, а это наблюденіе, хотя бы и страдательное,
 необходимо ведетъ за собою опять то, что движеніе вещей должно
 представляться намъ именно такъ, какъ требуютъ наши общіе за-
 конны сознания; такъ какъ, если бы вещи и дѣйствительно суще-
 ствовали не такъ, во всякомъ случаѣ *мы* не можемъ ихъ пред-
 ставлять противно законамъ сознания *). Итакъ, во всякомъ слу-
 чаѣ, если выводъ и сдѣланъ Гегелемъ противный законамъ со-
 знания,—это доказываетъ намъ только то, что опытъ произведенъ
 неправильно. Такое заключеніе, сдѣланное нами прежде, нежели
 мы взошли въ самую феноменологію, совершенно оправдывается, ес-
 ли заглянемъ со вниманіемъ внутрь науки. Съ этою цѣлью мы при-
 водимъ здѣсь, слово въ слово, всю первую главу феноменологіи,
 считаемую учениками Гегеля за образецъ аналитическаго изслѣ-
 дованія.

Н. П. Гиляровъ-Платоновъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Говоря это, мы вовсе не думаемъ защищать Кантовъ субъективно-идеали-
 стическій взглядъ, будто-бы мы обращаемся только съ собственной нашею
 внутреннею дѣятельностью,—совсѣмъ напротивъ. Что мы можемъ познавать
 только чрезъ посредство нашихъ органовъ познанія, и только сообразно съ
 законами ихъ воспріемлемости, съ оптическимъ устроеніемъ нашего духовнаго
 ока,—это положеніе Канта неоспоримое. Только все это почему? Совсѣмъ не
 потому, что предметъ *по себѣ* совсѣмъ для нашего знанія, но именно потому,
 что его устроеніе совершенно принаровлено къ [устроенію нашихъ органовъ.
 Что мы не можемъ познать вещь саму по себѣ, безъ нашихъ формъ,—это-то
 самое и показываетъ, что формы знанія совпадаютъ съ формами самихъ ве-
 щей, и что, имѣя вещь въ законосообразномъ *представленіи*, мы вмѣстѣ имѣемъ
 ее предъ собою и такъ, какъ она есть сама *по себѣ* и *для себя*. Всего этого
 самъ Гегель не только не отвергаетъ,—въ другихъ мѣстахъ, при разборѣ Канта,
 онъ утверждаетъ все это даже болѣе, чѣмъ сколько нужно. Поэтому мы съ
 полнымъ правомъ можемъ отнести къ нему то уподобленіе, которое онъ дѣ-
 лаетъ касательно Канта, именно, что онъ похожъ на того схоластика, который
 хотѣлъ, не касаясь воды, выучиться плавать.